

Судья Струге

Вячеслав Денисов

Иди и умри

«ЭКСМО»

2006

Денисов В. Ю.

Иди и умри / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2006 — (Судья Струге)

Очередной сложный и затяжной процесс судьи Струге подходил к концу. Любой юрист, хоть единожды участвовавший в процессе по уголовному делу, знает, что означает фраза «подходит к концу». Это тот момент, когда судья удаляется в совещательную комнату, отключает телефоны, изолирует себя от возможных встреч и разговоров, усаживается за стол и еще раз оценивает результаты, полученные на судебном следствии. Решение созревает постепенно, оно не возникает из ниоткуда. День за днем, выслушивая десятки свидетелей, специалистов и экспертов, судья по кирпичику строит постамент, на котором впоследствии будет установлен памятник человеческой вине...

© Денисов В. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вячеслав Денисов

Иди и умри

Герои, персонажи и события в повести вымышлены. Совпадения с реальными лицами случайны.

Предисловие

Очередной сложный и затяжной процесс судьи Струге подходил к концу. Любой юрист, хоть единожды участвовавший в процессе по уголовному делу, знает, что означает фраза «подходит к концу». Это тот момент, когда судья удаляется в совещательную комнату, отключает телефоны, изолирует себя от возможных встреч и разговоров, усаживается за стол и еще раз оценивает результаты, полученные на судебном следствии. Решение созревает постепенно, оно не возникает из ниоткуда. День за днем, выслушивая десятки свидетелей, специалистов и экспертов, судья по кирпичику строит постамент, на котором впоследствии будет установлен памятник человеческой вине.

Ошибки быть не должно. Советы излишни, указания нетерпимы, судья один на один со своей совестью. И теперь весь этот многомесячный титанический труд должен закончиться применением правил банальной арифметики. Есть база, указанная в законе, санкции статей ограничивают судью лишь в одном – не вычесть столько, чтобы было менее нижнего уровня, и не прибавить, чтобы не проломить потолок. По каждому конкретному случаю совесть судьи укладывается в рамки соответствующей статьи, в период чисел от минимума до максимума.

Возможно ли перешагнуть эти рамки, если нельзя сделать менее, чем оправдать, и более, чем лишить человека жизни?

Возможно. Достаточно лишь обратить вину в безвинность, а невинность в преступление.

Труднее убедить себя. Укрыться в совещательной комнате все равно невозможно. О вине человека, доставляемого в суд, известно всем. Другое дело, каким взглядом посмотрит на эту проблему человек в мантии. Человек в мантии – он такой же человек, как и тот, что без судебных регалий. Его можно купить, можно поставить в условия, неприемлемые для проживания этого конкретного судьи. Можно, в конце концов, запугать.

Как пугают в темных комнатах детей. Взрослые любят играть в детей, и в этих детских забавах они иногда даже превосходят еще не состоявшиеся свои прообразы. У малышей все заканчивается плачем, у бестолковых взрослых шоком. Иногда смертью. Все зависит от должностных возможностей того, кого необходимо напугать.

В Тернове как-то раз напугали директора Центрального рынка. Чего было разрешать везти себя в больницу с сердечным приступом и потом умирать? Ну, забрали сына, маленького придурка. Так ему всего пять месяцев! Можно такого напугать? Чем, козой? Да он сам кого хочешь напугает, эта машина по производству какашек! Нет, нужно было падать замертво и потом не приходиться в сознание...

Сверток с загадившим всех за трое суток клопом подбросили к роддому с пояснениями (иначе менты искать будут, пока не найдут). А нужно-то было всего лишь дом на берегу Терновки за долги переписать и машину пацанам правильным отдать. Не их, в смысле, машину, не пацанов, а директора рынка. Всего-то. Нет, нужно было с инфарктом падать! Ни себе, ни людям.

Если же судей, напуганных в Тернове, вспомнить, то на память сразу приходит, во-первых, судья Волков из Кировского и Качалкина из Советского. Первого напугала братва.

Не суди, говорит братва, и не судим будешь. Тот поверил. И, наслушавшись перед объявлением приговора шелеста волн на Кипре, взял да и оправдал убийцу. Не найдено-де объективных доказательств, указывающих на то, что это именно подсудимый Листвяков задавил женщину «Газелью». А то, что его через пять минут после происшествия, пьяного, менты и вытащили, так это по недоразумению. Он шел, шел, смотрит – «Газель» стоит. Его «Газель», угнанная. Сел в нее и уснул с устатка. А то, что под задними колесами баба мертвая лежала, так это не его вина. Не он давил в беспамятстве, врут восемнадцать свидетелей на остановке. Ментам лень настоящего гада искать, потому проще на первого попавшегося пакость повесить. Листвяков – хороший человек, у него две грамоты еще с техникума, справка, что больной, и свидетельство о рождении, где в графе «Отец» полные данные одного авторитетного человека из Тернова. Ну, не найдено доказательств, хоть умри.

Одним словом, напугали. Отлежался Волков на песке, объявил приговор, а сейчас ходит, горем убитый, и каждый раз, встречая на улице родственников женщины той, задавленной, на другую сторону перебегает. Плюют, сволочи, прямо в лицо! Три раза уже плюнули! Не сообщают в юриспруденции ни бельма, яростью пышат и негодованием несправедливым. А как объяснить? Если каждому объяснять...

А Качалкина, та сама себя напугала. Есть такой фильм, где главный герой, объясняя главврачу психбольницы состояние больного, говорит святые слова:

– Это очень тяжелый форма заболеваний. Белая горячка. Просто надо спасать человек, честное слово.

Лидии Никаноровне как раз год назад стукнуло шестьдесят с небольшим, и в силу возрастных проблем, отягощенных патологиями и, по всей видимости, дурной наследственностью, ей показалось, что одна из судей, в два раза младше ее и всего два года отработавшая судьей, метит на ее место. Ну, еще кой-какие мелочи: баба та красивая, семья у нее на зависть, волосы в фиолетовые тона никогда не красит, чтобы редкими не казались, не прогибается, на праздники не ходит – в семью торопится. Иначе говоря – все доказательства устремлений налицо.

Потому напугалась Качалкина. И понесло Лидию Никаноровну. То председателю квалификационной коллегии позвонит, грязь на молодую судью сольет, то до самого Игоря Матвеевича Лукина дозвонится... До председателя областного суда. Общий язык с обоими Лидия Никаноровна находила легко, потому что одному в этом году шестьдесят семь исполнилось, второму шестьдесят четыре, и все они из одной команды были, из Лукина. Иначе как бы Лидия Никаноровна в председатели суда попала? Это ни одному человеку в городе даже в голову прийти бы не могло – Лидию Никаноровну в председатели определить. С ее-то прической да мастерским владением ненормативной лексикой...

Вот такой маленький этюд кризиса судебной системы в эпоху реформ в одном, отдельно взятом областном суде.

Словом, тяжело было молодой судье. Не утвердили ее на пожизненный срок в должности судьи. А Качалкина еще до сих пор в Советском суде. О душе бы ей подумать, чтобы после ее ухода очередь из желающих поплевать к могиле не выстроилась, ан нет. Сердце рвется, седалище над креслом дымится. Струге недавно сказали, что Лидия Никаноровна опять опасность почуяла. Есть там судья такой, Гарин. Тоже на праздники не ходит, тоже из молодых...

Одним словом, пугают людей разными способами и по различным причинам. Струге Антона Павловича за десять лет судейства в Центральном суде пугали раз шесть или семь. Последний пришелся на начало октября 2003 года. Как раз после двух месяцев рассмотрения одного из уголовных дел по обвинению некоего Коровякова в изнасиловании некоей Шарагиной. Впрочем, для начала искусили взяткой. Неудачно, правда.

Пришли в часы приема, в четверг, двое в штатском и сказали:

– Коровякова бы от уголовного преследования освободить. Ну, сунул пару раз, подумаешь. Сучка не захочет, кобель не вскочит.

Если верить обвинительному заключению следователя прокуратуры, то выходило, что кобель вскочил как раз в тот момент, когда сучка не хотела, поэтому Струге отправил обоих ходоков вместе с банковской упаковкой долларовых купюр туда, откуда они появились.

В третий раз те же двое пришли в следующий четверг, потому что в последующую за прошлым четвергом пятницу, то есть неприятный день, он их не принял. По всей видимости, парламентарии не до конца поняли причину отказа, потому что на этот раз они принесли не одну, а две упаковки. И, будучи уверенными в своей правоте, так расслабились, что даже достали тонкие сигары, предложив выкурить трубку мира и Антону.

Антон Павлович (как они его до этого называли) поступил, на их взгляд, не по-человечески – вызвал приставов. И двое лысых накачанных молодых людей с лейтенантскими погонами сбросили парламентариев с лестницы. Сбивая друг друга, они слетели с высокого крыльца Центрального суда и врезались галстуками в прокисший газон. Видевший эту картину их водитель в «Мерседесе» только присвистнул.

И тогда стали пугать. Позвонят домой среди ночи и говорят:

– Ты помнишь, как двое солидных людей были незаконно оскорблены?

– Помню, – посматривая на часы, отвечал Струге. – Ты один из них, я по голосу узнал.

– Так вот, мы готовы забыть это оскорбление, если Коровяков будет оправдан. Ну, как?

– Я не готов к ответу, – раздирая зевотой рот, оправдывался Антон Павлович. – Мы еще не дошли до прений.

– Послушай, подонок (так они называли Струге теперь), когда вы дойдете до своих прений, будет поздно. Твоя голова улетит, как мяч из рук Бартеза.

Утром Струге попросил оперов из Центрального РУВД разыскать страшилку, дав подсказку, что он может находиться в кругах, приближенных к околофутбольным, на стадионе «Океан».

Через неделю Струге просыпался от звонка уже нового просителя.

– Струге, это вы?

– Я.

– Что насчет Коровякова? Не терпится решение узнать.

– Приговор, ориентировочно, в ноябре будет, – глотая на всякий случай димедрол, советовал Антон Павлович, – приходите. Напомните, кто вы и откуда, я велю запустить в зал.

– Один уже напомнил. Вчера только из травматологии вышел. Горит желанием зарезать. Струге, вы и мы – умные люди. Неужели мы не сможем договориться?

– Давайте попробуем. А с кем?

После последнего слова Коровякова позвонили в последний раз и спросили, знает ли Струге, что произойдет с уважаемым и авторитетным человеком Коровяковым, если он попадет на зону с такой статьей. В рамки рассматриваемого уголовного дела это не укладывалось, о чем Струге без обиняков и сообщил. Тогда у него поинтересовались, стоит ли невинность Шарагиной жизни Антона Павловича, и тот ответил, что для решения подобных вопросов нечего с наглой харей лезть через толпу. Следует зайти за угол Центрального суда и занять очередь.

Больше Струге не беспокоили.

Но на хорошего человека жутки никогда не жалко, и в начале ноября Антона Павловича ждала новая напасть.

Глава 1

Суд – это то место, где тайное становится общедоступным. Даже если это закрытое заседание, уже вечером журналисты всех местных каналов сообщат, что говорил на закрытом от прессы заседании подсудимый, на чем настаивал потерпевший и каким образом получилось так, что упрямство обвинения оказалось для суда более обоснованным, нежели ловкость защиты. Закон Ломоносова о том, что если где-то что-то исчезнет, то впоследствии обязательно где-то появится, в суде действует безапелляционно.

Не успела секретарь судебного заседания судьи Струге, Алиса, зайти к нему в кабинет и сказать: «Вам письмо из канцелярии передали», – как на столе Антона Павловича запиликал телефон.

– Антон Павлович, если такое дело, то нужно писать заявление в ГУВД и получать на руки пистолет, – раздался в трубке знакомый голос.

– Какой пистолет? – опешил Струге.

– По закону мы имеем на это право, – уверенно настаивал на своем судья Левенец.

– На что? – окончательно растерялся судья, бросая взгляд на дверь – вошла Алиса.

– Антон Павлович, вам письмо из канцелярии передали, – сказала она, протягивая ему лист бумаги, прищипленный к конверту скрепкой.

– В общем, – прозвучало в трубке, прежде чем в ней зачастили короткие гудки, – я советую.

Приняв конверт, Струге вновь потянулся к телефону.

– Антон Павлович, раз подонок не угомонился, нужно брать охрану, – ничуть не сомневаясь в своей правоте, заявил судья Каретников – сосед по кабинету с противоположной от Левенца стороны.

– Я подумаю, – не желая более выглядеть идиотом, сообщил Антон Павлович и повесил трубку. – Что происходит, Алиса?

Та кивнула на конверт, но очередной попытке разобрать каракули на развернутом тетрадном листке в клетку помешал все тот же телефон.

– Знаете что, Антон Павлович... – словно раздумывая, каким еще образом огорошить Струге, протянул председатель Центрального суда Николаев. – Зайдите лучше ко мне. Шутки в сторону.

Прежде чем подняться и последовать последнему, самому понятному из всех прозвучавших советов, Струге еще раз посмотрел на секретаря и разгладил на столе помятый лист.

– Алиса, у вас такое выражение на лице, словно вы уже трижды прочитали этот документ, но ничего не поняли.

– Почему же, – скромно потупила взор девушка. – Тут все предельно ясно.

Струге отбросил в сторону ручку, которую до сих пор не выпускал из руки, и воткнул взор в текст. Кажется, письмо, адресованное ему, он прочитал в суде последним.

«Здравствуйте, Антон Павлович» – так оно начиналось.

«Пишу вам оттуда, откуда вы знаете. Из колонии строгого режима в городе Табулге. Не можете не знать, потому что сами меня сюда и определяли. В 1995 году. Фамилию повторять не буду, она на конверте указана, скажу только, что скоро мне выходить».

Струге дотянулся до кружки с чаем и сделал большой глоток – чай остыл.

«Выходить мне очень скоро, ровно через три дня и два часа, поэтому очень скоро наступит день, когда я выйду».

Антон Павлович заставил себя сосредоточиться и, не дойдя до конца, прочитал написанное еще дважды. Возможно, это не симптомы абстинентного синдрома у автора, и читать следовало между строк. Но, сколько Струге ни вчитывался, всякий раз выходило, что житель

колонии под Табулгой имеет в виду именно то, что пишет. Он скоро освободится. Не обнаружив подтекста, Антон Павлович продолжил изучать документ.

«Вы помните, Антон Павлович, за что меня посадили? Быть не может, чтобы не помнили, поэтому я не стану унижаться и говорить о том, что я тут ни при чем. Скажу лишь, что эту Качалкину топором я не убивал. Зарубил кто-то другой, а посадили вы меня, хотя я тут совершенно ни при чем».

– Что ты встала надо мною, Алиса? – поднял Антон взгляд. – Ты Горбунцову повестку отправила?

– Нет еще. – У девушки был взгляд, словно она боялась пропустить момент инсульта у своего судьи.

– Так иди, отправь. И не мешай, я и без тебя ничего понять не могу...

«Помните, я вам говорил, что был выпимши и ничего не помню? А вы мне ответили, что это не алиби, и впаяли восемь лет. А я помню. Я, конечно, не писатель и романов писать не научен, но отношение к вам выражу лучше Пушкина. Адвокат оказался бараном, прокурор свиньей, свидетели крысами, и после оглашения приговора я убедился, что от этого скотного двора вы ушли не очень далеко».

Потревожил телефон, и Антон был вынужден отвлечься.

– Антон Павлович, вы идете? – очевидно, предполагая, что Струге прихватил телефон с собой, спросил Николаев.

– Сейчас, сейчас, – успокоил его Антон. – Дочитать нужно. Вы же по поводу письма меня вызываете?

– Конечно! – взорвался Виктор Аркадьевич. – А вы что, еще не прочли?

– Ну так пока очередь дойдет...

«За эти восемь лет без трех дней и двух часов я заработал туберкулез, посадил печень и отморозил почки. А на этапе меня каждый день бил конвой, и я вас спрашиваю – стоилили (зачеркнуто) стои лили (зачеркнуто) стоили ли мои мучения одной ошибки судьбы? И вот теперь я, Антон Павлович, думаю, что у вас отбить первым. Почки или печень. Но я не такой садист, как вы, восемь лет мучить не стану. Поэтому обойдусь тем, что зарублю вас топором. Я как раз за это отсидел, так что все будет по закону. С уважением, осужденный Кургузов».

– Понятно, – выдавил Струге и поднялся из-за стола. – Алиса, будут искать – я у Николаева.

В коридоре Струге встретила мировой судья Мамина и, задержав его за рукав, шепотом сообщила, что в том случае, если Антон Павлович не станет возражать, она может позвонить своему брату в Табулгу (заместителю начальника оперативного отдела колонии), чтобы Кургузову перебили еще и ноги. Антон отказался и вошел в приемную.

– Что вы обо всем этом думаете? – ни секунды не медля, поинтересовался председатель.

– Я думаю следующее, – вздохнул Струге. – Две недели назад в нашей поликлинике не знали, что у меня сменился домашний адрес и, поскольку я не появлялся, отправили результаты моих анализов в суд. И сейчас подсчитываю, кто из судей в этот момент находился в отпуске и может не знать, что у меня панкреатит.

Виктор Аркадьевич поморщился.

– Да кому какое дело до вашей поджелудочной железы? Вот безопасность головы вашей – это наша общая забота. Кто такой Кургузов?

Антон присел на предложенный стул и устало улыбнулся.

– На нашей территории есть микрорайон, именуемый Шестым, но всем он известен как Нахаловка, – убедившись в том, что для Николаева это не новость, он продолжил: – Проживает там, как вам известно, группа лиц, не приспособленная к нормальной человеческой жизни в условиях демократических преобразований. Это потомки тех, кто для строительства Тернова был пригнан из европейской части страны в кандалах.

Закончив экскурс в историю и демографию, Антон развел руки в стороны:

– Предки Кургузова были пригнаны первыми.

Раздосадованный Николаев снял с носа очки и стал тыкать ими Струге в руку, как электрошоком.

– Вы, Струге, дошутитесь, дошутитесь! Мне любопытно, что вы будете делать, когда через три дня и два часа... Уже конечно, меньше! – так вот, что делать будете?

Антон отвел пораженную руку в сторону и опустил под стол.

– Виктор Аркадьевич, Кургузов – сорокалетний отморозок, ростом чуть более полутора метров в прыжке и весом около пятидесяти килограммов. Плюс ко всему он еще и картавит. «Подсудимый Кургузов» – как он себя называет. Если исходить из содержания написанного им письма, то сейчас ему еще хуже. Как вы думаете, что я буду делать, если увижу его на улице с топором в руке? Я благодарю вас за заботу, но не вижу смысла придавать этому письму значение вселенского масштаба.

– А я вижу. – Было видно, что Николаев возражает не по причине врожденного упрямства. – И считаю, что нужно предпринять соответствующие заявлению меры. Данное письмо не что иное, как угроза жизни судьбе, и вы меня простите великодушно, Антон Павлович...

Струге, склонив голову набок, стал готовиться к неожиданному.

– ... но я приставляю к вам охрану из числа сотрудников милиции.

– Зачем?

– Затем, – тихо возразил председатель, и это уже было похоже на некие врожденные качества.

– Глупость какая, – почесал висок Антон. – И как вы видите эту охрану?

– А вот так и вижу. Двое сержантов из патрульно-постовой службы, начиная с послезавтрашнего дня, начинают нести службу по охране вашей квартиры, вашего кабинета в суде и по пути вашего следования из дома на работу и с работы домой. На этом закончим, и я сразу перехожу ко второму вопросу. Кого и при каких обстоятельствах этот Кургузов зарубил?

На столе появилась ксерокопия письма, и Антон Павлович догадался, что ксерокс в это утро работал, не останавливаясь ни на минуту. Прокашлявшись, он осторожно заметил:

– Знаете, охрана мне нужна, как...

– Вопрос закрыт, – напомнил Николаев. И напомнил еще раз: – Кургузов.

– Это же смешно, Виктор Аркадьевич! – взорвался Антон. – Мне еще не пристало под конвоем ходить!..

– Кургузов.

– Что – Кургузов? Обморок, ростом со стиральную машину, однажды перепившись, поругался со своей сожительницей, обвинив в измене, зарубил ее на всякий случай и отправился спать. На следующее утро проснулся, сходил в магазин, купил водки и направился к собутыльникам. Это он алиби себе готовил. Весь день пьянствовал, а под вечер забыл, зачем пришел, и сознался одному из собутыльников, что совсем недавно, и как раз вовремя, ему подвернулся под руку топор. Собутыльник оказался агентом на подселе у одного из оперативников нашего РОВД, и тем же вечером он отзвонился «хозяину». Хозяин прибыл через пять минут с двумя операми, и уже через полчаса на его столе образовалась явка с повинной от Кургузова.

– А почему тогда Кургузов так настаивает на том, что вы, Антон Павлович, недалеко ушли от этого... Как он там писал? – Николаев вернул очки-«электрошок» на место и стал искать на ксерокопии ответ на свой последний вопрос.

– От скотного двора, – остановил поиск Струге. – Это адвокат Барышников его научил говорить, что его-де били сыщики, мучили и вынудили подписать бумаги, не читая. Я это дело очень хорошо помню, потому что дела, при оглашении приговора по которым подсудимый мочится в штаны, не забываются. Послушайте, Виктор Аркадьевич, быть может, мне просто получить оружие?

Струге терялся в вынужденном выборе наименьшего из двух зол и выглядел растерянным.

Председатель покачал головой, сослался на опыт, в наличии которого Струге сразу засомневался, и сказал, что пистолет в этом деле не помощник. А лишние четыре пары глаз – совсем не лишние. То есть то, что нужно. Заодно председатель поинтересовался, как цензура колонии умудряется пропускать подобные послания на волю.

– А что в этом удивительного? – хмыкнул Антон. – Кургузов без замечаний оттрубил лет семь, а потом его перевели на «бесконвойный» режим. Сейчас маленький негодяй ухаживает за свиньями в подсобном хозяйстве, имеет возможность покидать ворота тюрьмы, соответственно, имеет и возможность бросать свои опусы не в «зоновские», а в обычные почтовые ящики на улицах Табулги.

На этом разговор закончился, Струге ушел к себе, а Николаев, тут же вооружившись телефонной трубкой, стал набирать номер начальника учреждения под Табулгой.

О чем он говорил – не известно, только следующий день никаких новых писем, в отличие от дня третьего, последнего, не принес. Зато утром, через день после последнего разговора с Николаевым, секретарь судебного заседания Алиса вновь внесла, держа перед собой двумя пальцами, словно носовой платок тифозного больного, новое послание.

Раздосадованно отодвинув от себя дело, судья вздохнул и бросил конверт перед собой.

«Здравствуйте, Антон Павлович», – разнообразием приветствий автор не страдал.

«Несмотря на вашу жалобу хозяину зоны, после которой кум вывихнул мне два пальца на правой руке и заставил здоровой рукой выкрасить все стены в штрафном изоляторе, я чисто-сердечно признаюсь вам в том, что от данного обещания не отступлюсь».

Струге с удовлетворением отметил про себя, что в отличие от первого послания второе несет более доступное содержание. Упоминание о штрафном изоляторе и производственной травме свидетельствовало о том, что за последние перед выпуском на волю сутки автор находился в трезвом уме и относительно ясной памяти.

Тем не менее Антон Павлович твердо был уверен в том, что не знает ни телефона начальника колонии («хозяина»), ни его имени. Так же, как и фамилии оперуполномоченного оперативного отдела («кума»), пытавшегося отучить Кургузова от привычки писать методом, коим солдаты чилийской хунты отучали Виктора Хару играть на гитаре.

«Николаева работа», – безошибочно определил Антон Павлович.

«Мне остался всего один день. Завтра в десять утра мне вручат справку об освобождении и деньги. Я потрачу их все до последней копейки на билет до Тернова и самый большой топор, какой только найду по дороге. Примите совет для своей следующей жизни. Никогда не подражайте на работу, результатами которой будут удовлетворены не все».

В конце письма еще более корявым почерком, что говорило об усталости автора писать такие длинные тексты, опять значились слова, выражающие уважение, и инициалы без пяти минут свободного гражданина Кургузова.

Струге уже порядком подзабыл о письме и угрозе жизни, но ближе к обеду в его кабинет вошли, предварительно попросив разрешения, двое в форме и напомнили.

– Здравствуйте, Антон Павлович, – поздоровался за обоих веснушчатый сержант. Как у всех рыжих, его глаза отсвечивали такой степенью наглости, каких не видывал мир. – Мы – ваша охрана.

Алиса была готова поклясться, что такое глупое выражение на лице ее судьи было впервые за все время их совместной работы.

– Кто вы моя?

– Ну, послали... – не будучи натренированным в общении с судьями, уточнил рыжий сержант.

Струге вспомнил об обещании Николаева, и Алиса констатировала, что судья принял привычный облик. Постукивая карандашиком по развернутому перед ней делу, она удовлетворенно переводила взгляд с гостей кабинета на его хозяина.

– Бодигарды, значит, – качнул головой Струге.

– Не, мы из патрульно-постовой, – стараясь быть предельно тактичным, возразил рыжий. Выслушивая наставления командира роты ППС, он и его напарник уяснили главное: во-первых, судьи – люди со странностями, но их присутствие в городе крайне значимо. Во-вторых, судья Струге – самый странный из всех известных крайне значимых людей города. – Сержант Звонарев и младший сержант Крыльницкий. И мы теперь всегда там, где вы.

– М-да... – все, что смог выдать Антон Павлович.

Предложив телохранителям стулья, он снял трубку с телефона.

– Виктор Аркадьевич, это шутка?

– В сторону! В сторону шутки, Струге! – готовый к этому звонку, вскричал председатель. И тут же использовал запрещенный прием: – Будете упрямитесь, позвоню Лукину.

Это был удар ниже пояса. Откровенная вражда Струге и председателя областного суда Игоря Матвеевича Лукина была известна всем. За нежелание вливаться в команду подчиненных Игорь Матвеевич не любил Антона Павловича уже почти десять лет, и эта нелюбовь иногда принимала занятные формы. Лукин давил, Струге не прогибался, и этот возвратно-поступательный механизм не останавливался ни на минуту. Едва появлялось обстоятельство, которое по всем объективным причинам Струге могло не нравиться, Лукин это обстоятельство усугублял. Теперь же, если Николаев позвонит Игорю Матвеевичу и сообщит, что судье угрожают, Лукин отмахнется:

– Судья Струге – мужик здоровый. Ему угрожает лишь обострение панкреатита.

Но едва Николаев упомянет о том, что Антон Павлович от охраны отказывается и делает это весьма энергично, Лукин использует все свои связи, чтобы приставить к судье не двух сержантов, а взвод патрульно-постовой службы.

Струге это знал, поэтому молчал, выслушивая убежденные восклицания Николаева, и, едва тот закончил, повесил трубку.

Двое, готовых ко всему, сидели напротив него, как молодцы из русской народной сказки. Повернешь волшебное кольцо – и... «Что прикажешь, хозяин?!» Но, в отличие от сказочных, в глазах этих, милицейских, желание исполнять любой каприз не светилось. Струге смотрел на них и думал о том, что мозг этих крепких ребят из низовой службы органов внутренних дел запрограммирован командиром весьма ограниченно. Капитан, воткнув козырек фуражки в переносицу рыжему, говорил следующее:

– Он на работу – вы с ним! Он в процессе – вы в зале. Он домой – вы рядом. Он в сортир – один держит руку на рычаге сливного бачка, второй разматывает бумагу! Узнаю, что, начиная с половины третьего сегодняшнего дня Струге появился где-то один, – уволю!!

И, убедившись, что на часах двадцать семь минут третьего, отправил две тени судьи Струге к нему на работу.

– М-да... – еще раз произнес Антон.

Молодые люди, и без того с волнением приступившие к неизвестной им работе, заметно засуетились. Что означает это «м-да», они не понимали, поэтому взгляд рыжего стал еще более наглым, а второй, чернявый и коротко стриженный, поерзал на стуле.

– Как зовут-то? – обреченно спросил Антон.

– Сержант Звонарев и младший сержант Крыльницкий.

Алиса прыснула.

– По имени, по имени-то как зовут? – настоял судья.

Оба покраснели, и сержант разговорился:

– Глеб... Егор... Я – Глеб.

В ближайшие четверть часа выяснилось, что рыжий служит четыре года, а его младший коллега – два. Крыльницкий живет в Центральном районе, а Звонарев в Кировском. И что Глеб имеет мотоцикл «Урал», а Егор – мастер спорта по боксу.

– Где занимаешься? – тут же поинтересовался, задетый за живое, Струге.

– В «Динамо». У Кисина. Только я уже не занимаюсь, некогда. А вы тоже боксировали?

Струге вздохнул и стал размышлять над тем, куда деть тех, кто по всем понятиям теперь не должен отходить от него ни на шаг.

– Значит, так... Мотоциклист сейчас отправляется в банк. Там работает моя жена. И с этого момента ты становишься ее тенью. Егор Крыльницкий остается со мной и охраняет меня. Жене я сейчас позвоню.

– Не положено... – донеслось до ушей Струге в тот момент, когда он уже поднес трубку к уху.

На другое, собственно, Антон и не рассчитывал. Ребят озадачили, и вряд ли они соби-
раются нарушать инструкции с первой минуты нового задания. Разведка боем результатов не принесла.

– Нам обоим приказано быть рядом с вами, – упрямо повторил сержант. – В отношении жены инструкций не было.

Антон посмотрел на Алису, которая живо интересовалась всем происходящим, и с доса-
дой почесал висок.

– Мужики, если возникнет экстремальная ситуация, мне гораздо легче будет спасти жизнь одному, чем двоим.

На это милиционеры не рассчитывали. Вызовом такие слова, конечно, назвать было нельзя, но чувство глубокого оскорбления, выслушав их, они все-таки испытали. На лицах молодых людей, сменяя друг друга, заиграли саркастические улыбки и ужимки растерянности. Судья на вид был мужиком ладным, но такой дерзости от него, наряженного в мантию, сма-
хивающую на платье, они не ожидали. Рыжий перевел взгляд на Алису, шарм которой обна-
ружил лишь в тот момент, когда она усмехнулась, но встретил не поддержку, а такой же наг-
лый взгляд. Она кивнула ему, подтверждая слова судьи, и старший из будущих телохранителей растерялся окончательно.

– А с женой если что случится? – продолжал натиск Струге. – Что толку от того, что вы
будете пасти меня, как корову, а в это время кто-то ударит по моему самому больному месту?

– Да кто ударить-то должен? – не выдержал, продемонстрировав понимание ситуации, сержант.

– Во-о-от, – успокоился Струге. – В этом все дело. Освобождается уголовник, Кургузов
его фамилия...

И через четверть часа Антон своего добился. Разбил «группу преследования» на части, чем полностью уничтожил ее предназначение. Звонарев, к его великому неудовольствию (сек-
ретаря с ним судья не отправил), вышел из кабинета и направился в банк, а Крыльницкий, потеряв орган управления своими последующими действиями, уселся в дверях.

С удовлетворением отметив про себя, что теперь никто ему мешать не будет, Антон Пав-
лович позвонил жене, выслушал ее смех и попросил Алису приглашать участников процесса.

Струге был уверен в том, что проблем не возникнет никогда, и предложение Никола-
ева принял лишь из соображений демонстрации деланого смирения. Но уже через три часа, в начале шестого вечера, когда на Тернов опустилась темнота, он понял, что ошибся. И под-
тверждением тому был звонок Звонарева на его сотовый телефон.

Этот звонок застал его и следующего рядом с ним Крыльницкого на половине пути
домой, в момент оживленного обсуждения последнего голливудского блокбастера о путеше-
ствии Христофора Колумба.

– Красивый фильм, – настаивал Крыльницкий.

- Что проку в красоте, если его создавали дилетанты? – возражал Струге.
- Почему дилетанты-то? – возмутился младший сержант.
- Да потому что во времена Колумба на кораблях не было штурвалов! И по морю Колумб шел не на «Пинте», а на... – Струге прервался и сунул руку в карман дубленки. – Погоди спорить, звонят...

Глава 2

«Саша», – отметил Антон, разглядев на табло знакомый номер.

И оказался до крайности растерян, когда услышал голос рыжего:

– Антон Павлович, это Звонарев.

– А я, грешным делом, подумал, что это у жены насморк, – сказал Струге. – Что произошло и почему ты мне звонишь с ее телефона?

Звонарев смутился, потому что только сейчас стал догадываться, что подобные рокировки могут ввести судью в замешательство, но, к его чести, с растерянностью справился ловко, как и все рыжие, и стал говорить следующее:

– Понимаете, Антон Павлович, едва мы с вашей женой покинули банк, чтобы следовать к месту вашего жительства, я осмотрел площадку рядом с банком, и меня смутило одно обстоятельство. Как только за нами хлопнула дверь, у стоящей слева «восьмерки» зажглись фары. Мы прошли к остановке, «восьмерка» поехала за нами. Мы сели в маршрутное такси, «восьмерка» – при свете фонарей стало ясно, что она фиолетовая, – последовала на расстоянии десяти метров от нашей «Газели». Она ехала за нами постоянно, остановилась позади остановки, на которой мы вышли, и я, когда заходил вслед за Александрой Андреевной в подъезд, успел краем глаза заметить, как капот машины выглянул из-за угла. Провераясь, я приоткрыл дверь и выглянул. Докладываю, Антон Павлович, что фиолетовая «восьмерка» стоит у подъезда до сих пор...

– Звонарев, у тебя когда-нибудь был сотовый телефон? – мягко перебил Антон.

– Нет, – испугался рыжий. – А что?

– Нет, ничего... Продолжай.

– А больше нечего докладывать, – расстраиваясь, что его рапорт не привел судью в шок, буркнул сержант.

– Как это нечего? Расскажи, почему ты звонишь мне по мобильнику, а не с моего домашнего телефона.

Думая, что судья либо ничего не понял, либо уже привык к такой непрофессиональной слежке, Звонарев ошибался. Его рассказ произвел на Струге впечатление гораздо большее, нежели ему представлялось. Отойдя от остановки на десяток шагов, Антон говорил, а свободной рукой ловил среди проезжающих машин такси.

– Понимаете, – объяснял между тем рыжий, – Александра Андреевна велела мне заходить в вашу квартиру, но я отказался. Решил присмотреть за дверью.

– Держись, Глеб Егорыч, – улыбнулся, закрывая от усталости глаза, Антон, – держись.

– Я не Егорыч, – сообщил сержант. – Я Алексеич.

Пытаясь отогреться в прокуренной «Волге» с болтливым таксистом, Антон усмехнулся, привязав к себе внимание водителя. Получилось в тему, так как тот только что закончил рассказывать прошлогодний анекдот. За спиной раздался короткий хохоток, свидетельствующий о том, что в машине они с водителем не одни.

Но Звонарев... Как же, за дверью тот решил присмотреть... Скорее всего не решился войти, а Саша, понимая, что заставить не сможет, сунула ему телефон и объяснила, как с обращаться с трубкой. За наглым взглядом и беспечной рожей сержанта скрывался, как выяснилось, славный малый, пораженный скромностью в самое сердце.

Вот проявления чего не хотелось бы видеть в этих телохранителях, так это подобных качеств.

На заднем сиденье молча грелся младший сержант Крыльницкий, и... Струге вдруг стал понимать, что ему на самом деле спокойнее. Окажись эти двое в стане его врага, он уложил бы обоих двумя свингами, не сходя с места. Но сейчас, когда эти же двое с полной отдачей

и вполне серьезно исполняли роль телохранителей его семьи, Антон не чувствовал в своих действиях суеты.

Во дворе, отсвечивая мутными бликами окон от заиндевевшего кузова, действительно стояла «восьмерка». Ее до беспредела тонированные стекла надежно скрывали и количество людей, затаившихся в ней, и их намерения.

– Иди-ка, проверь документы у ее водителя. – Антон кивнул на машину и застопорил поступательное движение.

Крыльницкий телефонного разговора не слышал и не мог слышать, но, даже несмотря на это, принял соответствующий просьбе вид и обеими руками нырнул в карманы форменного тулупа. Наблюдая, как его провожатый на ходу правой рукой выдернул из кармана удостоверение, а левую оставил внутри, Струге быстро догадался, что парень левша.

По мере того как Антон приближался к машине, обрывки разговора милиционера с незваными гостями доносились до него все отчетливее.

– Бу-бу-бу..... такие?

– Бу-бу-бу... Служба... бу-бу-бу... судебных... бу-бу-бу... Центрального района...

– А что... бла-бла-бла... делаете?

– Бла-бла-бла... судью Струге.

Крыльницкий повернулся к Антону.

– Это какие-то судебные приставы. Говорят, посланы охранять вас.

Антон Павлович подошел, оперся на крышу и заглянул внутрь машины.

– Стольников, Миллер, какого хрена вы тут делаете?

Ответ был короток, и от него исходили нотки смущения за столь быстрое «расконсервирование» тайной организации.

Обоих приставов на личной машине одного из них послал к банку, предварительно договорившись с их начальником, председатель Центрального суда Николаев. Из объяснений становилось ясно, что Виктор Аркадьевич, снабдив телохранителями судью, быстро понял свою ошибку и, чтобы ее исправить, направил судебных приставов встречать его жену. Увидев выходящую из дверей банка Александру Струге вместе с рыжим сержантом, замеченным ими в кабинете судьи еще днем, они слегка успокоились, но, желая выполнить поставленную задачу до конца, решили проводить мало подходящую по внешнему виду пару до дома и дожидаться Самого.

– Значит, так, – раздосадованно заключил Сам, – оба по домам. Спасибо за рвение, но это не служебная задача, а дурь руководства. Раз так, то с меня пиво, а с остальным я разберусь сам.

– Но Виктор Аркадьевич... – попробовал возразить хозяин «восьмерки».

– Я уверен, что ближе к ночи он пришлет пару вертолетов боевой поддержки, так что все нормально. Пошли, Крыльницкий...

«ВАЗ» покинул двор, а Струге со спутником зашли в подъезд, покрытый мраком. Струге уходил на службу рано утром и приходил поздно вечером, поэтому ничего не слышал. Но Саша, приходящая иногда на обед домой, очень хорошо слышала звук, который она определяла как «нудно-режущий». «Такое впечатление, Антон, что кто-то тупым ножом разделяет живого тигра», – с возмущением говорила она. Это лучшее определение из всех существующих для домашней пилорамы. На рынке Струге постоянно встречал соседа со второго этажа. Тот торговал самодельными табуретками, а вырученные деньги пропивал в течение оставшегося дня. А потому догадываться, по чьей вине перегорали все лампочки в подъезде, нужды не было. Но подозрение – не факт, оно требовало доказательств, и потому время шло, лампочки продолжали перегорать, а Саша пользовалась маленьким фонариком. Остальным, у кого фонариков не было, не везло. До верхних этажей в условиях неработающего лифта они добивались, как до вершины Монблана.

У самой двери судью снова ждал экстрим.

В глаза резанул луч света, послышалось требование не шевелиться, Крыльницкий стал щелкать затвором «макарова», и лишь мгновение спустя ситуация стабилизировалась.

– Это я, Звонарев, – радостно сообщил младший сержант. – Расслабься, Глеб, это мы.

– Вы меня с ума сведете!.. – выдохнул Струге, окончательно приняв решение прогнать обоих прочь сразу после того, как накормит. – Меня не Кургузов, а вы все достали.

Можно было понять смущение милиционеров, когда они поняли, что их приглашают за общий стол. Крыльницкий весь день не отходил от Струге, Звонарев – от Саши, и их уверения в том, что они сыты, были лучшим подтверждением того смущения. Однако усесться на кухонный уголок и съесть по тарелкепельменей все-таки пришлось. «Сытые» милиционеры уничтожили полтора килограмма полуфабрикатов, и только после этого Звонарев странным голосом сообщил, что «все будет нормально, судья может спать спокойно и открывать утром дверь, не опасаясь неожиданностей».

– Это ты что сейчас имеешь в виду? – оцепенел Антон Павлович, не донеся кусок хлеба до рта. Догадавшись, собрался взорваться, но, вовремя поняв, что молодые люди тут ни при чем, успокоился. – Ребята, вы сейчас идете домой, отдыхаете, а часам к девяти, если не поступит иных команд, один прибывает в суд, а второй в банк (Струге был уверен в том, что он создаст все условия для того, чтобы «иные» команды поступили). – У меня, кстати, Крыльницкий, такой процесс интересный завтра... А Звонареву Александра Андреевна предоставит компьютер со «стрелялками» и познакомит с какой-нибудь незамужней девуш...

– Антон Павлович, – оборвала мужа Саша. – Опомнитесь.

И он опомнился. Обстановка постоянного контроля довела его до такого состояния, что он совершенно забыл о том, что находится в обществе женщины. Положив хлеб на стол, он отодвинул от себя тарелку.

– Идите за мной.

«Телохранители» одернули форму и поспешили следом.

– Вот это, – он ткнул пальцем в закрытую дверь спальни, – не ваша комната. Вот это, – он указал на зал, – тоже не ваша комната.

Пройдя по коридору, он толкнул еще одну закрытую дверь. Она распахнулась, и взору милиционеров предстал миниатюрный тренажерный зал. В нем находился лежак для жима штанги, сама штанга, станок для проработки бицепсов, набор гантелей, два широких зеркала на стене и компьютер с креслом в углу. Вся стена напротив зеркал была оборудована стеллажами, на которых размещалось не менее двух тысяч книг. Так показалось сержантам, хотя вполне возможно, что книг было в два раза меньше. Просто свою роль в обмане зрения сыграли зеркала.

– Вот это – ваша комната.

Пока сержанты стыдливо осматривались, Струге заволок внутрь раскладушку, подушку и одеяло.

– Играть ночью на компьютере запрещается. Смотреть видеофильмы (он указал напряженным пальцем на стойку с DVD) запрещается. Заниматься ночью бодибилдингом – тоже запрещается. Разрешается лежать, сидеть, читать и покидать помещение по естественным надобностям. Рекомендую...

Вынув из стеллажа две книги, он бросил их на компьютерный стол и вышел.

«Театральный роман», – прочел Звонарев.

– «Приключение Весли Джексона»... – разобрал на истертой корочке Крыльницкий. – Весли Снайпса знаю. Джексона знаю только Майкла.

И он, стараясь не столкнуться на пол штангу, с книгой в руке стал устраиваться на станке...

– Ты слишком строг с ними, – с укором обратилась к мужу Саша и вытерла полотенцем последнюю вымытую тарелку.

В три часа восемнадцать минут в квартире раздался грохот. Струге точно знал время, потому что ядовито-зеленые цифры будильника светили ему с тумбы для видеоаппаратуры прямо в глаза.

Подскочив на кровати, он скинул с себя одеяло, но вставать не торопился. Дождался, пока штанга медленно докатилась до угла «тренажерного зала», уперлась в стену, и только после этого снова опустился на спину.

– Я скоро очумею от этой заботы, – просипел судья сонным голосом и отвернулся к тумбочке.

А утром, едва за окном раздался стук первого трамвая, перед лицом Антона запиликал телефон. Дотянувшись рукой до тумбочки, он нащупал трубку...

Глава 3

– Слушаю...

Так рано мог позвонить либо заместитель областного прокурора Вадим Пашенко – он имел на это право по причине того, что был другом детства Струге, и пользовался этим правом без раздумий, – либо человек, неправильно набравший номер.

– Это Антон Павлович Струге?

Выходило ни то ни другое. Номером человек не ошибся, но между тем был Антону не знаком.

– Верно, – окончательно проснулся судья. – Кто спрашивает?

– А догадайтесь, – нагло предложил абонент.

Подсказка появилась неожиданно. Кто-то в соседней комнате, стараясь не издавать ни единого звука, пытался уложить обнаруженную в углу штангу на кронштейны станка. Кронштейны лязгали, станок скрипел.

– Кургузов, что ли? – безошибочно предположил Антон Павлович.

– Вы посмотрите! – искренне изумился невидимый собеседник. – С первого раза. Значит, получили письма.

– Получил, – подтвердил Струге. – Денег хватило или занять?

В трубке раздалось сопение, расценивать причины которого можно было двояко. Струге склонился к тугодумию оппонента.

– Денег я тебе сам могу занять.

– Представляю, сколько рукавичек ты сшил за восемь лет. Ладно, чего хочешь? Только не говори, что зарубить хочешь, мол, приговор несправедлив, адвокат-де слабоумный попался. Я об этом читал.

Антон говорил, не переставая, и свободной рукой нажимал кнопки на сотовом телефоне.

– Я скоро приеду, Струге.

– Это я тоже читал. Из нового что-нибудь есть? Здоровье, например, как? Энурез тебе лепилы в Табулге подлечили?

– Зря ты так... – послышалось, но Антон уже говорил в сотовый:

– Вадим? Вадим, все вопросы потом. Позвони в управу, пусть быстро «пробьют», с кем я сейчас беседую по городскому...

– ...как с человеком, – продолжала течь вялая речь в трубке стационарного телефона, – а ты – энурез. Безразлично к чужой судьбе и грубо, Антон Павлович.

– Послушай, Кургузов, я тебя на восемь лет на «строгий» отправлял, но у меня такое впечатление, что ты этот срок не в Табулге за бензопилой, а в Кембридже за учебником филологии коротал. Я едва подумаю о тебе, перед моими глазами тут же встает сморчок с воробьиной головой и замоченными штанами. А тут нате – «безразлично к чужой судьбе»... Окреп, что ли?

– Два дня осталось, Антон Павлович. Ровно столько до тебя ехать. А там... Одно сказать могу. Как приеду, с этого момента каждую секунду твоей жизни буду воспринимать как личное оскорбление. Понял?

– С ума сойти... – восхитился Струге. – Это на самом деле ты, Кургузов?

– Скоро убедишься.

Через пару минут после «отбоя» раздалась трель мобильного телефона.

– Антон, с тобой разговаривали из Табулги. – Пашенко помедлил и, не дождавшись объяснений, бросил: – Я тебе сейчас на городской перезвоню.

– Не надо, – отрезал Антон Павлович. – Приеду в суд, позвоню сам.

Попытался успокоить любопытство старого друга, не смог и отключил связь.

– Кто там? – просыпаясь, сонно спросила Саша.

– Пашенко, – неопределенно ответил Антон, оделся и направился в ванную.

Через полчаса все четверо снова встретились за столом, и Струге дал себе слово уже сегодня к ужину это число уменьшить вдвое. Наскоро перекусив, чувствуя к еде отвращение, а к окружающим агрессию, Антон Павлович заторопился в суд. Прикрикнул на Крыльницкого, завис, сдавливая гнев, над ботинком с заевшей «молнией», пропустил проскользнувших на площадку милиционеров и признался жене:

– Меня это бесит, дорогая.

– Застежка?

Посмотрев на Сашу, Антон Павлович шумно выдохнул воздух и пожелал ей удачного дня.

Улизнувшие из квартиры сержанты тактично молчали, покуривали и дожидались его на улице. Едва судья спустился вниз, Крыльницкий поспешил за ним, стараясь попадать след в след на дороге, занесенной за ночь порошей. А Звонарев дождался Сашу, и различие между двумя этими удаляющимися в разные стороны парами было лишь в том, что во втором случае дорогу пробивал милиционер.

На удивление, день миновал быстро. Разговор с Николаевым с утра не получился, у председателя был затяжной процесс, и Антон скрепя сердце стал дожидаться обеда. Едва Алиса напомнила, что неплохо было бы выпить чашку кофе, Антон скинул с плеч мантию и направился в кабинет Виктора Аркадьевича...

– Простите... – отшатнувшись в сторону от его плеча, извинился посетитель. И, напирая на «р», повторил: – Простите, ради бога.

Не отвечая, судья дошел до приемной и без стука отворил дверь.

– Он по телефону...

Слово «разговаривает» Струге слушать не стал. Распахнул дверь в кабинет Николаева и без приглашения прошел к столу.

– Я перезвоню вам, – скосив взгляд на нежданного гостя, прервал разговор председатель.

Повесил трубку и, сняв с носа очки, поморщился: – И не проси.

Это относилось уже к Антону, поэтому он, применяя тот же прием, бросил:

– Тогда я применю силу.

– Ко мне?

– К штату телохранителей. К ментам, приставам и всем прочим, кто, бредя за мной, не занимается делом.

– С приставами я поторопился, – согласился Николаев. – Но менты будут рядом с тобой до тех пор, пока Кургузов себя не проявит и не будет задержан. Ты пойми, Антон Павлович, этот человек может ударить в любой момент! А «прибирать» его сейчас никто не станет! Если это произойдет, то его через два часа выпустят, и негодяй будет совершать более изощренные поступки.

Антон вдруг присел на стул у стола и стал пальцем разминать ямку на подбородке.

– Думаешь, что ответить? – Чувствуя полное превосходство в ситуации, довольно спросил Николаев. – Не мучь свои фантазии. Они бесперспективны. Оба милиционера будут рядом с тобой до тех пор, пока не появится Кургузов.

В кабинете Николаева висела картина, и она всякий раз приковывала к себе внимание Антона. Он уже несколько раз пытался начать разговор о продаже ее ему или, на худой конец, об обмене, но всякий раз разговор срывался. В узкой раме, совершенно непригодной для такого масштаба картины, располагалось полотно с видом на скалистые горы. Солнце над фьордом еще не взошло, но блики на вершинах скал свидетельствовали о том, что до рассвета – не более секунды. Одно мгновение, и яркие, бесконечные для человеческого взора лучи рассекут серое небо, и свинцовая вода мгновенно окрасится в золотистые тона...

Вот эту секунду до мгновения момента истины и ценил Струге в картине на стене председательского кабинета. Некоторое время он думал, что это Николаев балуется с холстом и кистью, и год назад, проводя разведку боем, даже спросил:

– Не слишком ли много тут сурика, Виктор Аркадьевич? Сурик – и водная стихия? Слабовато для чувственного пейзажа...

– Какого Шурика? – спросил тогда Николаев, давая Струге ответы на все вопросы.

Сегодняшний просмотр пейзажа был, наверное, пятидесятым за истекающий год.

– Продайте картину.

– Что?? – едва слышно выдохнул Виктор Аркадьевич.

– Картину продайте. Не хотите продавать – давайте поменяемся. У меня есть жаровня зоновской работы...

Николаев почесал «Паркером» за ухом.

– Вы слышали, что я вам сейчас говорил, Антон Павлович?

– Все я слышал. Так вот, я отказываюсь от охраны и даю подписку в том, что возлагаю ответственность за все возможные последствия на себя. Искренне благодарю за участие, но от присутствия «идуших вместе» испытываю жуткий дискомфорт и становлюсь социально опасным. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать.

– Не прокатит, Струге.

И тут Антон Павлович совершенно отчетливо увидел перед собой морщинистое лицо председателя Терновского областного суда Лукина. Тот беззвучно хохотал и закидывал в приступе восторга голову.

– Если будете гнать охрану прочь, она, конечно, отойдет, но только на два шага, – подтвердил догадку Виктор Аркадьевич. – И не выдвигайте мне ультиматумы, Антон Павлович. Судом пока руковожу я.

Антон относился к той породе людей, которая, упершись в стену и поняв, что лоб дороже, начинала искать дверь. Он пожал плечами и снова кивнул на восход над фьордом.

– Продадите?

– А жаровня качественно исполнена?

Вернувшись в кабинет, Антон опустил картину перед удивленной Алисой и попросил ее сходить за молотком и парой гвоздей.

– А оно нам нужно? – недовольно спросила секретарь.

– «Оно» никому не нужно. А вот картина, особенно мастерски написанная, вещь стоящая. Что ты можешь сказать, Алиса, глядя на этот пейзаж?

С кривой усмешкой на красивом лице окинув взглядом холст, секретарь покрутила головой и пожалала плечами – жестикуляция и мимика, достойная поэта, развинтившего магнитофон.

– Горное озеро. Ну, или река... Солнце только что скрылось за скалами. В общем, мне нравится. Я пошла за молотком.

Антон Павлович опустил на стул.

Что она сказала, перед тем как выйти? «Солнце только что скрылось за скалами»?.. То есть что – вечер, получается?..

Струге двумя движениями распустил под горлом узел галстука.

А почему, собственно, не должно быть иначе? Почему он решил, что через секунду наступит утро?

Ведь если присмотреться, да еще прислушаться к чужому мнению, то это действительно скорее закат, нежели рассвет.

Алиса не бог весть какой авторитет для Струге. Но она сказала – и убедила. Диаметрально противоположное мнение, основанное на такой же пустоте, как и его собственное. Он

подготовил себя, а после уверил: на картине утро. Но появилась молодая девушка и, ничуть не смущаясь, это утро обозвала вечером. И после этого все стало ясно и понятно. Свинцовые воды никогда не примут золотистый блеск. Они, напротив, скоро потемнеют. И мнение Струге будет состоятельным лишь тогда, когда наступит настоящий, а не придуманный им рассвет.

«Простите, ради бога...»

– Кургузов... – прошептал Струге и, смахнув со стола ключи, снова вышел в коридор.

– Это опять вы? – наморщив щеки, бросил председатель. – Это же бесполезно, Струге...

– Да пусть старик перед почетной отставкой потешится. – Струге вдруг блеснул на председателя глазами, уверяя его в том, что рассудок его по-прежнему ясен. – Я по другому поводу. Секунда до рассвета, Виктор Аркадьевич. У меня ее не было сегодня утром.

В зрачках его глаз, как в мистической заставке к триллеру, вдруг стали разворачиваться такие события, что не склонный к сантиментам Николаев заметно разволновался. Поерзав для порядка на стуле, он постучал костяшками по столешнице и выдал:

– Антон Павлович, если можно, по-русски, пожалуйста. Знаете, у меня настолько тяжелый процесс был, что... Секунда до рассвета, которой утром у вас не было... Между физиками и лириками я занимаю промежуточное положение, но, вместо того чтобы впитать особенности обеих градаций, не обладаю ни теми, ни другими. Так что не пугайте меня, ради бога.

– Вот именно! – радостно воскликнул Струге, указывая перстом в узел под воротником рубашки Николаева. – Ради бога! Все правильно, черт побери! Мне секунды не хватило на это сегодня утром, и я едва не упустил ее четверть часа назад.

Николаеву это наскучило, и он недвусмысленно указал на дверь футляром для очков.

– Я не расположен к бредовым проискам, Струге. Или – по-русски, или – всего хорошего.

– Сегодня утром мне звонил Кургузов.

– Что же вы молчите, мать вашу? – не по-судейски возмутился Николаев.

– Пока он вел со мной неспешный разговор, мне пришлось в голову набрать на сотовом номер. После разговора мне сообщили, что Кургузов действительно звонил из Табулги. Но тогда я упустил ту секунду.

– Какую секунду? – едва не зашипел председатель.

– Я все объясню, – поспешил уверить его в несправедливости притязаний Антон. – Так вот, тогда я, как принято говорить в Табулге, не просек тему. А сейчас, перед тем как зайти к вам, столкнулся в коридоре с мужчиной, и тот попросил прощения за нечаянный наскок. «Простите, ради бога», – произнес он.

– И тут вы тему просекли, – утомленный подтекстом, сказал Николаев.

– Точно. – Лицо Антона Павловича порозовело, что бывало с ним в редкие мгновения охотничьего азарта. Чем дальше он удалялся от бывшей должности старшего следователя по особо важным делам Терновской транспортной прокуратуры, тем реже эти мгновения к нему приходили. Судебный долг не терпит суеты и азарта. Десять лет ношения мантии почти напрочь задавили в Антоне прежние инстинкты, но, что вполне объяснимо, удавить навсегда не могли. – Я вспомнил Кургузова. Восемь лет назад он стоял за решеткой в моем кабинете и плаксивым, глухим голосом, стоя вполоборота к родственникам бывшей сожительницы, нудил свое последнее слово: «Пгостите меня, гади бога».

– И что? – чувствовалось, что еще немного – и с Николаевым случится нервный срыв.

– А то, что Кургузов картавый, как вождь большевизма. А сегодня по телефону со мной разговаривал человек с совершенно четкой, поставленной речью.

– Возможно, с ним поработал логопед, – первое, что пришло в голову председателю Центрального суда.

– В зоне строгого режима под Табулгой, – то ли спросил, то ли подтвердил Струге.

– Да, не тянет, – согласился Николаев.

– Не тянет. Вы можете запросить дело Кургузова, но я и без того могу вам сказать, что у него шесть классов образования. Между тем сегодня утром он разговаривал со мной, как заправский болтун. Впрочем, вы тут же станете уверять меня в том, что за восемь лет он успел закончить в колонии вечернюю школу и там же получить высшее образование...

– Бросьте, – поморщился Николаев. – Впрочем, если это не плод вашего воображения (чувствовалось, что он очень сожалел о том, что определение «больного» приходится пропускать), тут есть над чем подумать. Вам самому-то по этому поводу что в голову приходит?

– Ничего, – признался Антон. – С тех пор как я видел его в первый раз, утекло много воды.

Нудный и неприятный разговор закончился, добиться от Николаева чего-либо было невозможно, и Струге вернулся в кабинет в тяжелом расположении духа. Крыльницкий, напротив, общий язык с Алисой нашел быстро, и сейчас они толковали о чем-то своем, интересном. Младший сержант сидел в вальяжной позе и, по всей видимости, стремился изо всех сил понравиться девушке. Струге усмехнулся и прошел за свой стол. Девушка Алиса из тех, кого впечатлить трудно даже значимым в этом городе людям, и шансы на успех младшего сержанта милиции из ППС в этом случае приравниваются к zero. Секретарю просто скучно! – С судьей о «Глюкозе» не потолковать и новыми сапогами перед его носом не покрутить. А Крыльницкому-то, бедолаге, кажется, что он угадал...

До начала процесса оставалось какое-то время, и, предоставляя молодым людям тешить друг друга, судья снял с телефона трубку.

Пащенко долго не отвечал, и когда длинные гудки стали раздражать, Струге оставил телефон в покое. В любом случае, у заместителя областного прокурора установлен АОН. Поэтому в том, что он перезвонит сразу, едва освободится, судья был уверен.

Разговор у них состоялся лишь ближе к вечеру. Пащенко не перезвонил, а приехал в суд. Терпеливо выстояв в распахнутых дверях, пропуская потерпевших и осужденного, плачущую жену последнего и его голосящую мать, он дождался того момента, когда зал опустеет, и только после этого шагнул внутрь.

– Конвой тоже свободен, – уставившись на Крыльницкого, не понимая, с кем разговаривает, сказал Вадим.

Был он в своем строгом сером костюме, поэтому милиционер, стреляя глазами в сторону Антона Павловича, пытался понять – заломить зампрокурору руки или последовать его совету. В любом случае он помнил приказ, а он гласил: от судьи – ни на шаг.

– Это свои люди, Вадим Андреевич. – От постоянных усмешек вдоль щек судьи пролегли красные морщины, и весь его вид говорил о том, что он не перестает удивляться парадоксам жизни.

Пащенко очень хотелось спросить, с каких пор сержанты ППС стали для них своими, но вместо этого подбросил на ладони ключи от служебной «Волги» и подмигнул Алисе. Та смутилась, подхватила со стола пухлое дело и покинула кабинет.

– Судья по звукам, которые я услышал из раскрывшейся двери, доказать самооборону защите не удалось.

– Имело место изнасилование. – Струге вздохнул и бросил плечи вниз так резко, что Вадим почувствовал усталость друга даже на расстоянии. – И это удалось доказать прокуратуре.

– Что происходит-то, Антон... – покосившись на Крыльницкого, он добавил: – Палыч? Меня Старик по делам отправил, и раз уж получилось так, что я освободился на пару часов раньше...

Дойдя в своем рассказе до того места, где он проснулся от телефонного звонка, Струге прервался и повернулся к милиционеру:

– Егор, иди-ка погуляй в коридоре.

Секунду подумав, что привело Пашенко в состояние, среднее между гневом и изумлением, младший сержант резко выпрямился, дошагал до двери и плотно прикрыл ее за собой.

– На сотню спорю – сейчас стоит в коридоре и следит за руками всех мимо идущих.

– Хороший телохранитель следит не за руками, а за глазами, – сказал Вадим Андреевич. – Почему за руками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.